

Е Сяои рассчитывал делить прибыль поровну, пятьдесят на пятьдесят. Однако раскрывать свои карты раньше времени он не собирался. Вместо этого он беззаботно махнул рукой и с самым невинным видом заявил:

— Нет-нет-нет, семьдесят на тридцать в мою пользу — это ещё куда ни шло.

Торговаться с Сяо Цянем из-за каких-то жалких крох показалось бы несолидным. Поэтому Е Сяои сразу взвинтил планку, демонстрируя непреклонность. Если тому действительно нужен этот рецепт, он сам пойдёт на уступки и предложит максимально выгодные условия.

Стоявший рядом Е Фантянь не выдержал и покатылся со смеху. Он показал Е Сяои большой палец:

— Красавец! Целиком тебя поддерживаю!

Обычно невозмутимый Сяо Цянь в этот момент едва подавил искушение придушить наглеца.

— Брат Е, ты никогда не занимался торговлей и не знаешь правил нашего дела, — вздохнул он.
— Чтобы продавать твой алкоголь в тереме «Ланьлин», нам придётся платить за тебя винные пошлины. Я вовсе не пытаюсь нажиться на тебе, просто этот налог невероятно тяжёл. На рынке всегда делят прибыль именно так.

— Ой, так ещё и налоги платить? — Е Сяои прикинулся удивлённым и разочарованно покачал головой. — Тогда не буду продавать. Зарабатывать какую-то жалкую долю... Скука смертная.

— Неужели правда откажешься? — попытался поддразнить его Сяо Цянь. — Если это вино произведёт фурор, ты как его создатель прославишься на всю префектуру.

Е Сяои театрально вздохнул и покачал головой:

— Нет, не продам. Оставляю себе, буду сам пить. Но если тебе так понравилось, могу подарить пару кувшинов.

Сяо Цянь ушёл, унося с собой два наполненных вином тыквенных кувшина и искренне сожалея о сорванной сделке. Е Фантянь тоже не растерялся — утащил ещё парочку.

Когда гости разошлись, Мо Юэ подошёл к Е Сяои и с недоумением спросил:

— К чему весь этот спектакль? Сам же корпел над этим вином, а теперь прогнал покупателя?

Е Сяои завёл руки за спину и с видом умудрённого опытом старца изрёк:

— Сяо Цянь — тёртый калач. Разве обычным торгом выжмешь из него хорошую долю? Единственное, что я мог сделать, — это заставить его поверить, будто мне плевать на прибыль и на то, выгорит эта сделка вообще или нет. Только тогда он попробует зайти с козырей и растопить моё сердце чем-то действительно стоящим. А «искреннее расположение» главы клана Сяо стоит куда дороже любого серебра. Вот увидишь, он вернётся и предложит взамен нечто гораздо более ценное, чем просто звонкая монета.

— Хитрец, — улыбнулся Мо Юэ и легонько щёлкнул юношу по носу, после чего наклонился к двум свежезапечатанным кувшинам, вдыхая тонкий аромат.

— Ну как? Хочешь научиться? Я могу показать тебе, как добиваться этих двух невероятных оттенков, — предложил Е Сяои, совершенно не видя в Мо Юэ чужака.

— Ты так легко мне доверяешь? — Мо Юэ удивлённо приподнял брови. Это ведь был секретный рецепт, в который он сам никогда не пытался совать нос из уважения.

— Я тебе все свои сбережения доверил, чтобы ты бизнес крутил. С чего бы мне скрывать рецепт?

На самом деле Е Сяои рассуждал прагматично: ему нужно было зубрить каноны для экзаменов, времени на винокурение катастрофически не хватало. Рано или поздно этот рецепт всё равно пришлось бы передать Мо Юэ, чтобы тот нанял людей и наладил производство. Е Сяои, напротив, переживал, как бы его помощник успел набить руку на этом деле.

Мо Юэ несколько секунд пристально вглядывался в лицо юноши, а затем мягко улыбнулся:

— Я сохраню твою тайну.

В последующие дни, пока они ждали ответа от Сяо Цяня, Е Сяои безвылазно сидел на заднем дворе, шаг за шагом обучая Мо Юэ всем тонкостям винокуренного искусства.

Тем временем Сяо Цянь вернулся к себе с парой заветных тыкв. При каждой встрече с друзьями он наливал им по чарочке — хотел проверить, как изысканная публика примет новинку. Результат превзошёл все ожидания: ценители пришли в полный восторг, и вскоре за каждым хмельным застольем только и разговоров было, что о дивном вине под названием «Алое и изумрудное».

Местная интеллигенция, по обыкновению, любила раздувать из любой мелочи целое событие. Стоило им наткнуться на какую-нибудь диковинку, как они принимались расхваливать её на все лады при каждом удобном случае. А те, кто владел поэтическим слогом, и вовсе слагали в честь напитка восторженные стихи, изливая душу на бумаге.

Так, ещё даже не поступив в продажу, вино Е Сяои наделало немало шума в закрытом кругу высокопоставленных друзей Сяо Цяня. Прослышав о чудесной новинке, завсегдатаи терема «Ланьлин» буквально осаждали хозяина. Один старый ценитель выпросил-таки у Сяо Цяня пару чарок «Алого и изумрудного», перелил вино в тонкие хрустальные кубки и хранил как зеницу ока, не решаясь сделать даже глотка.

Вскоре среди книжников родилась крылатая фраза: «Смотришь на алое — видишь изумруд». А дело было вот в чём: тот самый старый гурман, очарованный игрой красок, часами гипнотизировал взглядом драгоценную жидкость в кубках. И вскоре заметил удивительную вещь: если долго смотреть на алое вино, все остальные предметы вокруг начинали казаться зеленоватыми, а если заглядеться на изумрудное — мир окрашивался в багровые тона.

Одухотворённые эстеты тут же подхватили эту новость. По городу поползли слухи, будто вино «Алое и изумрудное» обладает мистической силой и способно туманить разум одним своим видом, насылая на человека сладкие грёзы. Легенда обрастала всё более невероятными подробностями, подогревая любопытство публики. В терем «Ланьлин» ежедневно наведывались молодые учёные и поэты с единственным вопросом:

— Когда же наконец вы выставите на продажу «Алое и изумрудное»?

Те же редкие счастливицы, кому довелось пригубить напиток, безудержно хвастались своей удачей перед знакомыми. К примеру, собутыльницы Е Фантяня раструбили на всех углах, что те два кувшина, которые их приятель стащил у винокура, они осушили в один присест, восхваляя щедрость небес.

Все, кто успел оценить вкус, отзывались о нём в самых восторженных выражениях. Рассказывали, будто это вино подобно юной деве — дразнящее, изменчивое, манящее колдовской зеленью и нежным багрянцем заката.

В конце концов Сяо Цянь не выдержал и снова пришёл к Е Сяои.

— Ну ты и пройдоха, парень! — покачал он головой с порога. — Надо же, так ловко разжечь слухи в городе!

Осознав, что сам того не ведая послужил бесплатным глашатаем в хитрой игре мальчишки, Сяо Цянь невольно проникся к нему уважением. Он явно недооценил этого юного гения.

Виновник этого переполоха лишь невинно моргнул, а затем деловито спросил:

— Так что, мы договорились о сотрудничестве?

Сяо Цянь вытащил из-за пазухи увесистую стопку бумаг и с глухим стуком опустил их на письменный стол юноши:

— Именно ради этого я и пришёл. Что касается прибыли, расклад прежний: семьдесят процентов мне, тридцать — тебе. Больше уступить не могу при всём желании. Сам подумай, казна дерёт налог за каждую проданную доу алкоголя в размере стоимости доу отборного зерна. Если вычесть эти грабительские пошлины, чистая выручка таверны окажется совсем скромной.

Торговля спиртным в империи всегда облагалась неподъёмными налогами. Хотя на производство одной меры вина не уходило и половины меры зерна, пошлина взималась по полной стоимости сырья. Из-за того, что государственные сборы превышали себестоимость производства, питейные заведения традиционно забирали себе львиную долю прибыли при реализации чужого товара — ведь именно они обладали лицензией и брали на себя все налоговые риски.

Е Сяои перевёл взгляд на стопку бумаг на столе.

— И зачем ты принёс мне эти талоны соляного мандата? — поинтересовался он.

Сяо Цянь хитро прищурился:

— Талоны соляного мандата — вещь драгоценная. Соль, железо, вино и чай издревле подлежат государственной монополии. Простым смертным торговать ими строжайше запрещено, этим делом заправляют лишь назначенные двором люди.

— Ты что же, хочешь, чтобы я прибрал к рукам всю соляную торговлю Янчжоу? — изумился Е Сяои.

Сяо Цянь добродушно рассмеялся:

— Куда тебе, силёнок не хватит. Смотри, как устроена эта система: император раздаёт монопольные права знати и чиновникам, но эти вельможи слишком ленивы, чтобы лично возиться с обозами и лавками. Им подавай чистую прибыль без лишних хлопот. Поэтому они перепродают свои квоты обычным купцам. Частные торговцы имеют право сбывать соль, если купят у этих господ официальные разрешения — те самые талоны соляного мандата. Без такой бумаги любого, кто осмелится продать хоть горсть соли, ждёт немедленная казнь. Теперь ты понимаешь, какая ценность попала к тебе в руки?

— Ого, выходит, эти бумажки дороже человеческой жизни, — Е Сяои с любопытством перевернул один из талонов, рассматривая сложные водяные знаки. — И сколько стоит одна такая штука на рынке?

— Чтобы получить один талон, нужно сдать казне двести даней отборного зерна. Один талон даёт право на продажу не более ста цзиней соли. Хочешь сбыть двести цзиней — выкладывай два талона, — всё так же улыбаясь, пояснил Сяо Цянь.

Он тут же принялся лихорадочно пересчитывать принесённую стопку.

«Охренеть, да на этом можно сказочно подняться!»

Похоже, Сяо Цянь решил использовать эти талоны соляного мандата в качестве аванса за право эксклюзивной продажи его вина. Что ж, Е Сяои не имел ничего против такого обмена. Спустя пару минут подсчётов у него в руках оказалась сумма, эквивалентная десяти тысячам даней зерна. Юноша потрясённо выдохнул:

— Откуда у тебя столько этих талонов?

— Добрые люди поднесли в качестве подарков, — беспечно отмахнулся Сяо Цянь. — Если они тебе нужны, могу прислать ещё, у меня дома этого добра навалом.

На самом деле он ничуть не преувеличивал — в его поместье эти бумаги лежали мёртвым грузом, напоминая горы макулатуры. Напечатать одну такую квитанцию стоило сущие гроши, в то время как соляные магнаты платили за них чистым золотом. Жаждавшие лёгкой наживы придворные давно потеряли всякую меру и печатали талоны миллионными тиражами. В результате безудержного выпуска ценных бумаг весь чиновничий аппарат сверху донизу оказался завален этими талонами, и у крупных виноторговцев вроде Сяо Цяня их скопилось немыслимое количество.

— Раз так, договорились! Сделка века! — оживился Е Сяои и тут же, решив воспользоваться моментом, добавил: — Слушай, раз они у тебя всё равно без дела пылятся, отсыпь мне ещё щепоточку при случае, а?

Сяо Цянь великодушно кивнул:

— Идёт. Но скажи, когда я получу первую партию вина?

— Прямо сейчас, — ответил Е Сяои. — Но учти, пока я смогу поставлять «Алое и изумрудное» лишь небольшими партиями, чисто чтобы удовлетворить самый жгучий спрос твоих гостей. Как только мы построим большую винокурню, тогда и наладим поставки в промышленных масштабах.

— Объёмы меня мало волнуют, — тонко улыбнулся Сяо Цянь. — Напротив, чем меньше этого вина на рынке, тем выше на него цена.

Он, как прирождённый делец, прекрасно понимал законы создания искусственного дефицита.

Крепко сжимая в руках заветную пачку талонов соляного мандата, Е Сяои вихрем ворвался в Сад Е и с порога объявил Мо Юэ:

— Ну всё, сделка в кармане! Можешь собираться в дорогу.

— Так скоро? — Мо Юэ тихо вздохнул, с грустью глядя на юношу. Ему совсем не хотелось уезжать.

Ранее Е Сяои подробно расписал ему весь план. В Янчжоу виноград привозили из далёких западных земель, укрывая его льдом, однако по дороге большая часть ягод неизбежно сгнивала. Покупать такое дорогостоящее сырьё на месте было экономическим безумием. Куда разумнее отправить Мо Юэ прямиком к первоисточнику — в Западный край, основать там винодельню, а готовый напиток отправлять обратно в империю. К тому же местные жители за рубежом испокон веков славились умением делать вино, так что проблем с поиском дешёвой и опытной рабочей силы не предвиделось.

Но главным аргументом была безопасность. Западные земли лежали за тридевять земель. Даже если наёмные рабочие со временем пронюхают секрет производства, из-за языкового барьера и огромных расстояний этот рецепт вряд ли просочится на просторы Поднебесной. По меньшей мере в ближайшие лет десять Е Сяои мог не беспокоиться о сохранности своей коммерческой тайны. А что будет дальше — об этом он подумает, когда завоюет титул чжуанюаня.

План был продуман до мельчайших деталей, и Мо Юэ искренне восхищался деловой хваткой своего юного господина. Вот только теперь, перед самым расставанием, сердце его предательски сжалось от тоски. Ему отчаянно хотелось остаться здесь, в уютном Саду Е.

Заметив его молчание, Е Сяои решил, что его помощник просто взволнован открывающимися перспективами. Он приподнялся на цыпочки и ободряюще похлопал Мо Юэ по плечу:

— Ещё бы! Я же обещал, что мы с тобой горы свернём и будем жить на широкую ногу! Прежде тебе приходилось возиться с мелкими, изнурительными поручениями, и я прекрасно понимал, что гублю твой талант. Но теперь, на бескрайних просторах Запада, ты сможешь развернуться во всю ширь и показать, на что способен!

Для Мо Юэ этот поход должен был стать часом триумфа — словно молодой орёл, расправивший крылья, он устремится в бескрайнее небо. Е Сяои с самого начала догадывался, что его молчаливый защитник рождён для великих дел и заслуживает гораздо лучшей участи, нежели роль простого слуги. И он изо всех сил старался проложить для него эту дорогу. Теперь, когда заветная мечта была близка как никогда, «Босс Е» чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

Мо Юэ опустил взгляд, шагнул ближе и осторожно коснулся тёплой щеки юноши.

— Хорошо, — тихо произнёс он. — Я без промедления соберу караван и отправлюсь на Запад.

Е Сяои посмотрел на него снизу вверх, и ему почему-то показалось, что суровый воин сейчас ведёт себя как капризный ребёнок, ищущий ласки. Впрочем, пребывая в великолепном расположении духа, молодой барин великодушно простил ему эту вольность.

Следующие несколько дней Мо Юэ провёл в трудах: нанимал иноземцев и сколачивал надёжный отряд для долгого пути. Торговцы из Янчжоу редко добирались до западных земель сушей — куда популярнее были морские маршруты. В эту эпоху гигантские джонки грузоподъёмностью в десять тысяч даней могли разом перевезти столько товаров, сколько не под силу утащить даже самому огромному каравану верблюдов.

Путь Мо Юэ лежал по Морскому шёлковому пути. Янчжоу служил его отправной точкой. Вопреки названию, купцы везли за океан не только шёлк: трюмы кораблей забивали тончайшим фарфором, ароматным чаем, железом и солью. Всё это богатство доставлялось в заморские страны, а обратно караваны возвращались нагруженными редкими благовониями, породистыми скакунами, драгоценными камнями и диковинными снадобьями, которые ценились в империи на вес золота.

По сути, торговцы были отважными мореходами-посредниками. Те, у кого не хватало средств на аренду целого судна, в складчину нанимали места на огромных кораблях, чтобы попытать счастья в дальних краях. Но если товара было слишком много, возникала опасность привлечь внимание пиратов или нечистых на руку попутчиков. В таких случаях приходилось нанимать вооружённую охрану и сколачивать собственную верную команду.

Именно этим и занимался Мо Юэ — подбирал людей, способных и веслом грести, и мечом защитить нажитое. Попутно он за бесценок скупал местные ремесленные изделия и предметы первой необходимости, рассчитывая выгодно сбыть их на чужбине. По плану, добравшись до места и наладив производство вина, он должен был загрузить трюмы готовым «Алым и изумрудным», разбавить груз тамошними диковинками и вернуться в Янчжоу, чтобы передать товар Сяо Цяню. Весь этот круговорот занимал не меньше года — срок по любым меркам огромный.

Когда бабушка Е узнала, что Мо Юэ уходит в далёкое плавание и вернётся лишь через две зимы, она не смогла сдержать слёз. Старики тяжелее всего переносят расставания. И пусть Мо Юэ прожил в их доме не так уж долго, он всё же оставался самым старшим и крепким мужчиной в их маленькой семье. С ним она чувствовала себя под надёжной защитой.

Но поскольку её любимый внук сам настоял на этой поездке ради семейного дела, пожилой женщине оставалось лишь смириться. Напоследок она сшила для путешественника тёплую зимнюю одежду и стёганое одеяло, после чего велела Е Сяои отнести их в комнату Мо Юэ — самой ей, как женщине, заходить в покои молодого мужчины было неловко.

Нагруженный стопкой тёплых вещей, Е Сяои подошёл к покоям Мо Юэ и негромко постучал в дверь:

— Мо Юэ? Ты у себя?

Изнутри не донеслось ни звука. Решив, что комната пуста, юноша толкнул створку двери, намереваясь просто оставить вещи на постели и уйти.

Роскошный Сад Е отличался размахом, и гостевые покои здесь были поистине огромными. Е Сяои пересек просторную приёмную и направился к спальной зоне. Однако, едва он обогнул резную ширму, как застыл на месте с открытым ртом.

Мо Юэ стоял посреди комнаты совершенно обнажённым, собираясь залезть в исходящую паром деревянную бадью для мытья.

<http://bllate.org/book/18182/1758675>